

Алла Баркан

Ультра- современный ребенок

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Алла Баркан

Ультрасовременный ребенок

 ЭТЕРНА

2014

УДК 159.922.7
ББК 88.8
Б25

Баркан А. И.

Б25 Ультрасовременный ребенок. – М.: Этерна, 2014. – 816 с. – (Современная психология).

ISBN 978-5-480-00321-5

Эта книга о таланте терпеливой любви. Все родители мечтают о послушном тихом «ангелочке», которого любить – одно удовольствие! Но вместо ангелочков жизнь постоянно подсовывает нам упрямых фанатов компьютеров, плееров и бесконечных SMS-ок, страстных читателей комиксов и гламурных журналов. Сегодня они – геймеры, а завтра – рокеры, а то и загадочные эмокиды или дети-индиго. Но под любой маской они – дети, которым всегда нужны наша безусловная любовь и терпение, терпение, терпение...

Как понять их, таких разных и непонятных? Как не порвать связующую нить? Увидеть в своем ультрасовременном ребенке незащищенную детскую душу вам поможет педиатр, детский психолог, доктор медицинских наук, профессор, а также мама и бабушка Алла Баркан.

УДК 159.922.7
ББК 88.8

ISBN 978-5-480-00321-5

© А. И. Баркан, 2014
© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько слов вместо предисловия, или Мой первый серьезный роман	9
Розы Маленьких принцев	21
Мы все дети... ..	24
Ультрасовременный ребенок, или МЫ и ОНИ	31
Дети многозадачности	50
Плееродети	63
Мобильные дети с мобильными телефонами	75
SMS-мания	96
Теледети, воспитанные теляннями	107
Телемания	127
Если Ваш ребенок геймер	148
Агрессивный ребенок	170
Дети, бегущие за прогрессом, или Одержимые гаджетоманией	195
Хай-тек-дети	214
Поттеромания	227
Рокорэпопопс-дети (Если Ваш ребенок любит рок, рэп, попу, регги...)	245
Кумиромания	262
Подростковая гламуромания	287
Элитный ребенок	301
Душа ребенка не может быть в бронезилете, или Ребенок из семьи новых русских	314
Уязвленные души «старорусских» детей	329
Репрессивный ребенок	342

Голодомания, или Нервная анорексия у подростков	360
О малоежках, ничегонеежках, мноеежках и странноежках	388
Маленькие любители «сладкой» жизни	407
Паркур	422
Эмокиды в бездушном сегодня	430
Чайлдфри	441
Трепещущее сердце нелюбимого ребенка	451
Дети развода	480
Обидчивый ребенок	499
Демонстративный ребенок, или Самолюбивое «Я»	512
Идеальный ребенок	528
Ужасный ребенок	539
Мой ребенок вдруг стал грубияном	550
Маленькие Чаплины и мистеры Бины, или Почему Ваш ребенок паясничает	564
Леворукий ребенок	580
Я не жаворонок, не соенок, а ребенок	602
«И остался у мамы-козы только один деть», или Одинокий неодинокий ребенок (С какого возраста ваш ребенок может оставаться дома один)	618
Дети «из пробирки»	635
Суррогатное материнство	657
Дети из однополрой семьи	677
Мама, я хороший бебиненок! Двухязычие: «за» или «против»	688
Аугичный ребенок не всегда «Человек дождя» ...	711
И Моцарт тоже, видимо, страдал синдромом дефицита внимания	734
Дети-индиго	757
Медиадети, или Папарацци мгновений	783
Послесловие	798
Розы Маленьких принцев	809

*Тем, которых любила,
люблю и всегда буду
очень любить...*

Несколько слов вместо предисловия, или Мой первый серьезный роман

Мне было только восемнадцать, а может, не было и их... И я, подобно Гаргантюа, пыталась проглотить весь мир, не в силах насытиться его нескончаемыми соблазнами, наслаждаясь буквально всем – от зеркальных капелек росы, в которых преломлялась чистота всех утренних надежд, до манящего к планете Маленького принца, развевающегося как флаг-шатер над головой и трепещущего этим флагом неба, постоянно, как хамелеон, меняющего цвет – от зовущей в даль, за горизонт, голубой мечты до черноты невзначай пролитой кем-то туши...

Но... голубую мечту все чаще и чаще визажировали стаи продрогших серо-мышинных туч, а пролитую кем-то тушь подсвечивали светлячки мерцающих в ночи звезд... И это мерцание напоминало мне почему-то мерцание моей собственной, полной тайн и загадок, души, мерцание еще не обретшей своего истинного смысла, куда-то «бегущей по волнам» жизни, хоть я и топталась тогда еще только в дельте русла своей судьбы, не догадываясь о рукавах ее разветвления...

Это было удивительное время полета без крыльев, напоминающее цветы розового лотоса, раскрывающиеся на восходе солнца. Это было время встречи рассвета с журчащей ручейком, еще по-детски невинной душой. Это было время Надежды...

И вдруг в моей жизни появился Он... хотя раньше были только они.

Я училась на первом курсе медицинского института и мечтала стать детским врачом, несмотря на то что все мои знания о детях заключались тогда лишь в одной-единственной фразе, постоянно вдалбливаемой студентам на разных кафедрах педиатрического факультета, независимо от их профиля, авторитарно заявляющей, что ребенок – это «не взрослый в миниатюре»... Но кто, кто же он? Никто точно не знал, как, впрочем, не знаю и я до сих пор, ища всю свою жизнь этот ответ. А когда вдруг казалось – уже находила, он был неповторим, как мгновение жизни, исчезая из памяти вместе с мгновением, эфемерным, как вся наша жизнь.

Но тогда, но тогда...

У Него были глаза медового цвета. Во всяком случае, когда мне наконец удалось заглянуть в них, я увидела это. Не янтарного, а медового, хотя взгляд Его был совсем не медовым, а с каким-то привкусом горечи. И к нему невозможно было прилипнуть, даже чтобы поцеловаться зрачками. Нет, нет, нет, он не обещал никакого медового месяца со дня нашего знакомства, а был ускользающе-мимолетным, пролетевшим мимо меня, как счастье, которое я потом испытала, общаясь с Ним. Но все это было потом. А тогда...

Я ощутила его полнейшее безразличие к моей собственной персоне, уже успевшей какими-то неведомыми мне, таинственными чарами притянуть к себе ему подобных, только более зрелых и опытных. И это заставило меня вновь обратить на себя его внимание посредством магии взглядов. Но на этот раз все оказалось напрасным. Он вообще больше не реагировал на меня, хотя я восторженно и шептала ему на ушко рождающиеся во мне слова:

Будешь кого-то с ума сводить
Своими глазами медового цвета...
Разве ты знаешь об этом, малыш,
Разве ты знаешь про это?

Но он совершенно не думал о будущем, погруженный только в себя, отгороженный от меня, как забором, своей отрешенностью – бегством от собственной жизни, себя самого и от этой больничной палаты, в которой, казалось, даже потолки и стены были перебинтованы штукатуркой.

И тогда наконец я решилась... прижать нежное тельце к себе...

Ему было всего шесть-семь недель от роду. И все эти недели он лежал здесь, в больнице, никем не приласканный и никем не целованный, маленький зябнувший нежный комочек с продрогшим сердцем.

Я взяла его на руки, с трудом удержав, потому что он начал вдруг трепетать, словно лань, содрогаясь от собственных сердцебиений, превышающих скорость экспресса. Мне казалось, что он превратился весь в сердце. Оно, как оккупант, вытеснило в мгновение из него все другие органы и системы. Это было горящее сердце Данко.

Я боялась, что его безумный огонь просто спалит ребенка. А он трепетал... и дрожал как осиновый лист, хотя весь был укутан слоями пеленок, как закутан кожан капустными листьями.

Я взяла его на руки. Прижала к себе. А он, он... отшатнулся вдруг от меня, чуть не выпав из рук. Наши взгляды столкнулись, как фары двух летящих навстречу друг другу «мерседесов» с испорченными тормозами. Я едва удержалась сама, чтобы так же, как он, не отшатнуться... Он смотрел на меня, содрогаясь от... ужаса... содрогаясь от дикого ужаса, леденящего душу безумного ужаса, отвергая меня в своем негодова-

нии... не скрывая свое крайнее изумление... Он не знал еще тайны магии наших рук, тайны прикосновений, человеческой нежности?! Он не знал, что такое Любовь... Он... боялся... боялся... Любви?!

– Коля, Коленька, – вырвалось вдруг у меня, когда кончилась пауза оцепенения.

– Да какой он там Коленька, – прошипела уборщица. – Он вообще в первый раз услышал свое имя. Можно даже и Колька, ведь так будут звать его в детских домах и приютах. А нам некогда здесь называть всех по имени. Видишь же, сколько брошенных в нашей больнице. Нарожают и бросят. А нам отвечать да выращивать их... Поняла или нет?

– Но в истории его болезни написано, что родители живы, есть мама и папа.

– Да ты просто чудная какая-то, что ли. Если б не было мамы и папы, не было б и его. Хочешь стать педиатром, не зная даже самых обычных вещей. Я теперь понимаю, зачем вам, студентам, с «малолетства» придумали практику: чтобы с первого курса уже отбраковывать тех, кто вроде тебя, называющих Коленьками совершенно безродных и лишних детей.

– Лишних... лишних детей?! – Я забыла, кто я и где я.

Мой протест выплеснулся стихийно, как река в наводнение, выйдя из берегов, заливает собой всех и все без разбора.

Ее «лишних» настолько вывело меня из себя, что, следуя ее собственной терминологии, я тут же «отбраковала» из всего встреченного мной здесь обслуживающего персонала лишь только ее, заявив совершенно ошеломленной женщине что-то вроде того, что самой «лишней» в этом отделении больницы для грудничков, а особенно в палате для «брошенных» детей, является она сама. Хорошо еще, что в этом начинающемся состоянии аффекта, промчавшемся как мгновенный

сквозняк, у меня хватило ума все высказать ей в индифферентной форме, как подсказывала моя вечно ноющая зубной болью деликатность... Но житейски умная уборщица-няня прекрасно увидела, что было на «блюдечке с золотой каемочкой». И, к своему собственному удивлению, как и к моему, прослезив свою душу до дна, неожиданно бросилась вдруг за новой, еще даже не стиранной, правда сочно уже проштампованной казенной больничной печатью, распашонкой для Коленки, чтобы он наконец тоже понял, что, скорее всего, для него начинается новая жизнь.

Не знаю, как для него, но для меня она началась. Это было состояние тихой нежной романтической влюбленности, когда целый солнечный мир концентрировался в зрачках маленького несмышленища. Это было состояние какой-то сверхъестественной привязанности, напоминающей собою поводок, длина которого не превышала миллиметра. Это было состояние половодья растаявших вдруг во мне еще ранее почему-то неведомых, светлых радужных чувств. Это было особое состояние какого-то совершенно безумного сердечного влечения, как предтеча Большой Любви...

Я с трудом дожидалась конца занятий, иногда сбегала и с лекций, лишь бы только быстрее увидеть Его. Ритм жизни моей совпадал теперь с ритмом его сердцебиений.

И его ледящий меня раньше ужас от моих проявлений человеческих чувств постепенно растаял, как лед в сердце Кая от горячих слез Герды в холодных чертогах Снежной королевы.

Я сама превратилась вся в нежность и ласку, хотя наше бесполое воспитание в те времена и приравнивало это все к «смертным грехам». Но меня еще вовсе не трогало, что же скажет по этому поводу обо мне грибоедовская княгиня Марья Алексеевна. И, забыв о девичьей гордости, как пушкинская Татьяна, пишу-

щая письмо, я теперь каждый день буквально очертя голову спешила на свидание к маленькому мальчику в детскую больницу, в которой держали его теперь уже только из милости, оттягивая неминуемую встречу с холодом казенного Дома ребенка.

Я бежала к нему на свидание, позабыв про свидания со своими прежними романтическими привязанностями, не реагируя даже на бесконечные рисунки с изображением себя в институтской многотиражке, талантливые рисунки нашего лучшего студенческого художника, почему-то выбравшего из всего многоцветия девушек своей музой меня. И хотя про эти рисунки говорил весь институт, они были мне безразличны. А когда наконец сам художник, постоянно подсаживающийся ко мне на объединенных лекциях наших двух факультетов (у него должна была быть другая специальность), так и не дождавшись моей благодарности, потрясенный моим безразличием, открытым текстом, позабыв о возможностях метода снов Веры Павловны в романе «Что делать?», раскрыл мне все свои карты, я лишь только поблагодарила его за вспыхнувшее ко мне чувство, сказав, что вовсе не достойна его и что мне очень жаль, что, сама не желая того и не помышляя об этом, я разбередила его душу, потому что теперь понимаю, «что это такое...». И тут же помчалась в институтскую многотиражку со своими новыми стихами о любви, стихами, посвященными... не ему... хотя для него там и был мой ответ: «Я не хочу тебя обнадеживать, сердце твое собой растревоживать...»

И хотя мое «это такое» было нечто другим, оно тоже напоминало мне чем-то неброскую нежную пастельную живопись, которой пользовался мой художник, а может быть, просто едва уловимую прозрачную акварель... Но акварельные краски разводятся на воде, а я уже находилась во власти транса от воздействия какой-то странной горючей смеси затаен-

ных возвышенных чувств, превратившей со временем эту реальность в сказочный и волшебный роман.

Я брала Его на руки, прижимала к себе его хрупкое, нежное тельце, обнимала и гладила, мне хотелось его целовать, хотя я и считала тогда поцелуи откровением высшей любви, до которой бы надо еще дотянуться, ведь ее высота – высота Эвереста. А тут маленький мальчик вдруг вызвал во мне недоступное еще желание, на которое я наложила сама ради собственных принципов вето.

Я влюбилась в него без оглядки. Я ему покупала игрушки, я ему приносила цветы, я ему говорила слова, от которых кружилась моя голова. Я уже не могла без него. И он так, как подсолнух весь тянется к солнцу, уже начал тянуться ко мне. Исчез сумрак в медовых глазах... подсластилась медовая горечь...

И однажды, однажды все личико, когда я наклонилась к нему, его вдруг осветилось улыбкой, словно вспыхнула искра во мгле. Мальчик начал гулить, а потом засмеялся... Замахал мне своими ручонками, даже ножки его что-то мне сообщали. Он боялся, что я вдруг уйду, и хотел привлечь этим внимание.

Он смеялся, как звезды на планете над нами, где живет до сих пор еще Маленький принц...

– Вы свершили с ним чудо, – услышала я, – эти дети совсем не контактны. А у Коли, у Коли сейчас я увидела настоящий, естественный комплекс оживления, свойственный лишь младенцам с нормальным развитием в столь раннем возрасте.

– Вы увидели комплекс? Мальчик закомплексован? – Я смотрела на доктора Коли уже сквозь пелену начавших моросить по моим щекам слез.

Доктор все поняла.

– Этот комплекс – самый нужный из всех наших комплексов. Это комплекс здоровья ребенка, подтверждающий норму развития. А ведь мы все ему выставляли

задержку в развитии. И диагноз был правильным. Но... Вы смогли заменить ему мать. Вы его воскресили для жизни. Я об этом должна сообщить в деканат, хотя раньше всегда была против посещения наших детей первокурсниками. А теперь понимаю, как важно, что студенты приходят сюда, хотя Вы нестандартная вовсе студентка, каждый день с ним, а не раз в неделю.

Она так же, как я, ликовала, объяснив мне все про этот комплекс. Этот комплекс – особый этап и важнейшая ступень развития для здоровых детей, лишней раз говорящий о том, что у них все в порядке, все в норме, все течет как по маслу и будет так течь, лишь бы мы их любили, как прежде. Их улыбки и смех, воркование, танцы ручек и ножек нам всегда сообщают о том, что они нами очень довольны, наша нежность им очень нужна, наши ласки им необходимы, что они любят нас, как мы их. Ну а дети, которых не любят, не способны любовь показать. Они просто не знают, что это такое, увядая без этого чувства.

И тогда я решила спросить педиатра, как мне Коленку усыновить. Мне казалось, что это – единственный выход в лабиринте его несчастливой судьбы.

– Вам хотелось бы Коленку усыновить... В Вашем возрасте усыновить брошенного ребенка... Я такого еще не встречала! – Очевидно, я ей показала пришельцем, не сумевшим вернуться на свой НЛО. – Но зачем его усыновлять, он ведь временно брошенный, не совсем. Его мама в больнице лежит после родов, лечится от депрессии. Папа даже приходит на него посмотреть. Был, наверно, два раза.

– Всего только два? За три месяца был лишь два раза? Да какой же он папа? Чужой человек!

– Нет, он просто не знает, как с ним обращаться. Я сейчас же ему позвоню. Сообщу, что сегодня увидела. Может быть, обойдется без Дома ребенка. Может быть, свекровь как-то поможет, пока мама болеет.

Может быть... Надо бы мне Вас с ним познакомить...
Может быть, Вы понравитесь папе...

– Папе Коли? Зачем?

– Боже, как Вы наивны. Первый курс лишь прелюдия жизни.

* * *

Я летела как будто на крыльях в больницу, чтоб на следующий день одарить малыша за незакомплексованный комплекс, за его начавшее уже просыпаться родниковое чувство ко мне... Я летела в больницу с охапкой гвоздик и коричневым плюшевым мишкой...

Но кровать его оказалась пуста. И во мне что-то вдруг оборвалось...

Я стояла с гвоздиками возле кровати, машинально пытаюсь поправить постель, уложив на нее задремавшего мишку. Я ждала, что его принесет медсестра после очередной процедуры, понимая, что это конец бесконечности, полонившего меня до мозга костей нового, нестандартного чувства, не похожего на материнство, равноценного только ему.

* * *

– Его около часа назад забрал папа домой. – Голос няни-уборщицы вывел меня из заоблачных грез, где еще я витала в поисках утешения. – Вы же сами все сделали, чтоб было это. Когда папа узнал, что какая-то девушка хочет усыновить его Колю, моментально примчался за ним. Объяснил, что ухаживать будет за сыном его бабушка – папина мать, пока ее невестка в больнице.

И уборщица-няня, с которой когда-то мне пришлось выяснять отношения, положила свою мускулистую руку на мое совсем хрупкое еще плечо. Но я...

я ощутила не тяжесть руки, а тепло человеческих чувств. Так, наверное, и я когда-то дала Коле понять, что он не один.

Я не знаю, как можно привыкнуть к разлуке, как ее пережить без тяжелых потерь. Знаю только лишь то, что потом притупляется чуть-чуть наша эмоциональная боль. Но тогда я не знала об этом. Я жила в состоянии, чем-то похожем на «Мисюся, где ты? где ты?», в состоянии грусти и светлой печали. Мне уже не хватало медового взгляда и искрящейся светлой улыбки. Я искала теперь это в каждом ребенке, у всех тех, кто встречался мне на пути. Но они были все же не Колей.

Я, как прежде, ходила все время в больницу в ожидании чуда – вдруг папа вернет. И сама же себя убеждала – зачем?

А однажды, однажды я все же решилась и набрала известный мне номер... Женский голос ответил: «Алло». Я сказала: «Звоню из больницы», – и спросила, как Коля. «Прекрасно, – был ответ. – Всем большое спасибо, что мой сын теперь снова со мной».

И вдруг в трубке послышался смех, звонкий, радостный, очень счастливый, смех ребенка, которого любят.

А потом я услышала – «мама», правда, «мама» касалось другой, до сих пор мне неведомой женщины, у которой, наверно, прорезался, как зуб мудрости, вдруг человеческий комплекс, да, да, комплекс, которого нет, названный комплексом оживления, – комплекс радости, счастья и светлой любви.

* * *

С той поры утекло уже много воды. Я сама стала мамой, теперь даже бабушкой. Но мой первый серьезный «любовный» роман до сих пор часто перед глазами, хотя мне и сегодня еще не понять, что же было со мной в том «прекрасном Далеко» и какую любовь я тогда

испытала из нюансов ее разновидностей. Может быть, лишь любовь-сострадание, любовь-жалость или просто любовь-восхищение, восхищение перед ребенком... Но, скорее всего, лишь любовь-благодать... Благодать для вхождения в мою профессию. Ведь, в конце концов, именно эта любовь научила меня быть дарующим в жизни, не берущим, хватающим все на пути, а дарящим другим хоть частицу себя, если им это необходимо.

Моя жизнь превратилась в спасение Коль, и не только с глазами медового цвета.

Я сейчас уже многое знаю сама про различные комплексы, про их лечение и все делаю, чтоб у ребенка расцвел его самый прекрасный из комплексов, названный комплексом оживления, – комплекс любви, тот, который когда-то отнял у меня как раз это волшебное чувство.

Я все делаю, чтобы осколки зеркала злого тролля сейчас никогда уже б не попадали в сердца наших детей, а особенно мам или пап, чтоб не встретились детям Снежная королева, чтоб чертоги ее больше б не находились в отделениях детских больниц, в тех палатах, где часто лежат и сейчас малыши с зябнувшими сердцами.

Встреча с каждым еще незнакомым ребенком, у которого уже проблемы, для меня до сих пор полынья среди льда, полынья, предвещающая, что лед не вечен, он растает... и может стать даже потом кипятком... Надо лишь подождать и набраться терпения... И тогда Вы увидите сами эти метаморфозы...

Встреча с каждым еще незнакомым ребенком для меня всегда – это Событие!

Что с моим первым Колей – не знаю. Думаю, что сейчас он уже и сам папа, нежный, ласковый, любящий папа. И что дети его – это дети, о которых я много пишу и которым хочу посвятить эту книгу. Его дети, скорее всего, наши дети «сегодня», поколение ультрасовременных детей, постоянно пытающихся убежать

от реальности и теряющихся временами в пути, чтоб суметь заглянуть, как в замочную скважину, в параллельную сущность миров. Если хочется так заглянуть, пусть заглядывают, но живут все-таки на Земле, нашей брэнной Земле, где роса словно зеркало, но не зеркало тролля, а отблеск гармонии и где солнце пытается нам осветить нескончаемый путь к Озарению.

Возвращайтесь на Землю, мои дорогие! Возвращайтесь, вы не пожалеете!

*Магистр философии,
доктор медицинских наук,
профессор Алла Баркан*

Розы Маленьких принцев

– КТО ВЫ, ДЕТИ?!

– МЫ РОЗЫ МАЛЕНЬКОГО ПРИНЦА.

– ВЫ НАСТОЛЬКО КАПРИЗНЫ?

– НЕ КАПРИЗНЫ, ЧУВСТВИТЕЛЬНЫ.

– ВЫ БАРОМЕТРЫ, ЧТО ЛИ?

– ПОДЛИННОСТИ ВСЕХ ЧУВСТВ.

– РАЗВЕ ЧУВСТВА БЫВАЮТ ИСКУССТВЕННЫМИ?

– ТАК ЖЕ, КАК И БУМАЖНЫМИ РОЗЫ.

– НО В ИСКУССТВЕННЫХ РОЗАХ ЕСТЬ ОСОБАЯ ПРЕЛЕСТЬ – ИХ НЕ НАДО СОВСЕМ ПОЛИВАТЬ, ИМ НЕ НУЖЕН ОСОБЫЙ УХОД.

– А НАМ НУЖЕН УХОД НАШИХ МАЛЕНЬКИХ ПРИНЦЕВ, ЗАМЕНЯЮТ КОТОРЫХ БОЛЬШИЕ РОДИТЕЛИ. МЫ – ЖИВЫЕ, И ИМ НАДО НАС ПОЛИВАТЬ.

– ЗНАЧИТ, ВЫ НЕ БУМАЖНЫЕ РОЗЫ?

– МЫ Ж ВСЕ ВРЕМЯ РАСТЕМ...

– А ЧЕМ ВАС ПОЛИВАЮТ?

– ЛЮБОВЬЮ...

– НО ЛЮБОВЬ ЕСТЬ РАЗЛИЧНЫХ ЦВЕТОВ, ДАЖЕ В РАДУГЕ ВРЯД ЛИ ИХ СЫЩЕШЬ... НО ЛЮБОВЬ ЕСТЬ РАЗЛИЧНЫХ ОТТЕНКОВ... ТАК В КАКОЙ ЖЕ ЛЮБВИ ВЫ НУЖДАЕТЕСЬ?

– В БЕЗОЦЕНОЧНОЙ, ЧИСТОЙ ЛЮБВИ.

– КТО Ж ВЫ ВСЕ-ТАКИ, ДЕТИ?

– МЫ РОЗЫ С ПЛАНЕТ НАШИХ МАЛЕНЬКИХ ПРИНЦЕВ – РОДИТЕЛЕЙ. ТЕХ, КОТОРЫЕ НАС ПРИРУЧИЛИ... ПРИРУЧАЮТ ЕЩЕ ДО СИХ ПОР. МЫ, НАВЕРНО, ИМ ОЧЕНЬ НУЖНЫ.

– КАК ОНИ ПРИРУЧАЮТ?

– РОДИТЕЛЬСКОЙ МАГИЕЙ. ПОДРАСТЕМ И ТОГДА ЛИШЬ ПОЙМЕМ.

– ВАШИ МАМЫ И ПАПЫ ВОЛШЕБНИКИ, ЧТО ЛИ?

– ДЛЯ НАС, ДА. НУ А ЖИЗНЬ РАЗВЕ НЕ ВОЛШЕБСТВО?

– ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО – РОЗЫ?

– ДА, РОЗЫ С ПЛАНЕТ СВОИХ МАЛЕНЬКИХ ПРИНЦЕВ – НАШИХ РОДИТЕЛЕЙ, ТЕХ, КОТОРЫЕ НАС ПРИРУЧИЛИ И КОТОРЫХ МЫ ТОЖЕ К СЕБЕ ПРИРУЧАЕМ, ХОТЯ ЭТО НЕЛЕГКОЕ ДЕЛО.

– ДЛЯ ЧЕГО ВАМ ТАКАЯ ВЗАИМОПРИРУЧЕННОСТЬ?

– ЧТОБ ГЛОТНУТЬ ХОТЯ Б КАПЕЛЬКУ СЧАСТЬЯ.

– НО ВЕДЬ КАПЛЯ ЖЕ ЭТО – НИЧТО.

– ДЛЯ СЕМЕЙНОГО СЧАСТЬЯ ДОСТАТОЧНО. КАПЛЯ СЧАСТЬЯ – ТАКОЙ КОНЦЕНТРАТ, ЧТО ЕГО МОЖНО БУДЕТ ПОТОМ РАЗВОДИТЬ ПОЧТИ ЦЕЛУЮ ЖИЗНЬ: КАЖДЫЙ ЧАС, КАЖДЫЙ ДЕНЬ, КАЖДЫЙ МЕСЯЦ...

- ВЫ ХОТИТЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО?
- НЕ ОДНО ТОЛЬКО ДЕТСТВО, А ЖИЗНЬ.

– ЗНАЧИТ, ВОТ ДЛЯ ЧЕГО ВАМ РОДИТЕЛИ?

– НУ, ОНИ Ж НАС ПОЗВАЛИ СЮДА, ЧТОБЫ МЫ ПРОДОЛЖАЛИ ИХ ДАЛЬШЕ, ЧТОБЫ ПАМЯТЬ О НИХ СОХРАНИТЬ... ТОЛЬКО КАК ЖЕ НАМ ИМ ОБЪЯСНИТЬ, ЧТО МЫ РОЗЫ ДЛЯ НИХ, А ОНИ ЗАМЕНЯЮТ НАМ МАЛЕНЬКИХ ПРИНЦЕВ, ТЕХ, КОТОРЫЕ ВСЕГДА В ОТВЕТЕ ЗА НАС.

Мы все дети...

Мы все дети с «праздником непослушания» в душе независимо от возраста, профессии и достижений в этой жизни – академики ли или лаборанты. Это в данном случае не важно. Только взрослым этот «праздник» постоянно ради имиджа приходится скрывать. Ну а дети, словно провокаторы, обычно демонстрируют его специально, чтобы вывести нас из себя, таким способом напомнив о себе.

Но... мы наподобие улиток все равно стремимся спрятаться от них, несмотря на жизнь в одной квартире, в завитки своих защитных раковин, порой совсем диковинных, чтоб остаться лишь наедине с самим собой в каком-то параллельном мире со своим же собственным ребенком, словно он непрошенный попутчик, подвернувшийся случайно на пути.

И живем почти всегда мы за закрытыми дверями своих собственных квартир, как и сердца, в недоступных никому микромирах, со своими «древнегреческими» мифами сегодняшнего дня, со своими былями, легендами, не задумываясь, что наш брошенный попутчик на распутье предпочтет дорогу в виртуальный мир, бросив также нас, как мы его, на бездорожье. Бросит, разочаровавшись в нас.

Это мы не подали когда-то свою руку ему в нужный для него момент, а давали только установки, те,

которые сегодня уже скисли, словно молоко. Установки из вчера или позавчера, те, которые когда-то получили сами от своих родителей, их семейные реликвии из главных установок поколения их собственных родителей – как достойно жить «сегодня» в мире...

В каком мире, в чем? В мире прошлых поколений... уже унесенных ветром...

Видно, в этом корень всех проблем Отцов и Детей – в противостоянии времен, когда почти беспроблемное Сегодня, как планета, оказалось в точке, противоположной Солнцу нынешнего дня только из-за прихотей Вчера.

Это противостояние Вчера с Сегодня заставляет Вашего ребенка жить одновременно в двух мирах, становясь двуликим Янусом с взглядом сразу в двух различных направлениях – в прошлое и будущее... Ну а где же настоящее, та сегодняшняя почва, на которой он стоит? Почему пытаемся его мы обезличить, соблазняя будущими днями, позабыв, что будущие дни могут лишь родиться из Сегодня.

Но вот именно это Сегодня превратилось вдруг для большинства родителей с прививками Вчера в современного безжалостного монстра, ведь оно зомбирует детей неприемлемыми для Отцов их ценностями жизни. Дисгармония сегодняшнего дня – неминуемый итог прогресса. И хотя этот прогресс (научно-технический и экономический) идет семимильными шагами, психология людей и их эмоции и чувства более консервативны и не поспевают за прогрессом всех времен, в основном топчась на месте.

И конечно же родители сегодняшних детей не всегда способны примириться с роком, рэпом, подростковым сексом, матом, сленгом, наркоманией, алкоголизмом... Если у них не было подобного периода в своем детстве в поисках себя. Их совсем не радует, что телевизор, Интернет, мобильный телефон, видеоигры... заменили им родительское воспитание и их авторитет, что

родительское слово стало невесомым, в одно ухо лишь влетая, а в другое – вылетая тут же у ребенка, у которого другие идеалы и другие взгляды на смысл жизни.

Очевидно, все-таки проблемы отцов и детей – это прежде всего, видимо, проблемы лишь конкретных времен и традиций, связанных с особенностями своих времен. Если б не динамика всей жизни и все годы был только застой, не было б и проблем поколений. Все текло бы как по маслу, тихо, мирно, без каких-то всплесков или вспышек, нас манящих к другим берегам.

Говоря о поколениях отцов и их детей, прежде всего подразумевают промежуток времени между моментом рождения родителей и моментом появления на свет их детей. Этот промежуток заметно варьирует, как варьируют и годы появления первого ребенка: у кого-то уже в 18 лет, у кого-то за 30. Есть даже мнение, что поколение существует 33 года, сколько жил на свете Иисус Христос. Однако чаще всего все-таки сегодня останавливаются на периоде в 22 года.

Исходя из этого, в окружающем нас мире в одной и той же стране одновременно можно видеть представителей совершенно разных поколений со своими консервативными взглядами, своего «здесь и сейчас».

И если в бывшем СССР лишь было известно, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», причем возраст этого «нынешнего» поколения был довольно разным – от додобальзаковского до постпостбальзаковского, то в США уже не было нынешнего поколения постпостбальзаковского возраста. А к тому времени все население страны четко подразделялось на ряд поколений с учетом «амплитуды смены поколений» и, тем не менее, оказавшихся в одной упряжке – или же в виде ретивого скакуна, или же в виде старой клячи, со всеми вытекающими отсюда последствиями: от особенностей психологии до особенностей стилей жизни.

В своей книге «За пределами детей Индиго» П. М. Х. Этуотер пытается определить основные неповторимые качества каждого из поколений Америки в XX веке.

И если «Солдатам Америки» (1901–1924 гг.) было присуще необыкновенное мужество и они поддерживали идеи «великого добра», то поколение «Молчаливых» (1924–1942 гг.) уже было поколением «разбитой мечты», с менталитетом «одиноких в толпе». Это поколение дало импульсы к сексуальной революции и эпидемии разводов.

А на смену им пришло послевоенное поколение «Дети Победы» (1943–1960 гг.), так называемое поколение «Беби-Бумеров», поколение, которое является сегодня бабушками-дедушками для любого современного ребенка. Это поколение «детей Победы» отличалось от других «духовной эйфорией».

«Беби-Бумеры» подняли на высокий пьедестал свободную любовь. Это – поколение, плывущее против течения, поколение саморазрушения, поколение созидания в новых технологиях и средствах связи, поколение, вырвавшееся в космос.

На смену «Беби-Бумерам» пришло поколение «X», или «Потерянное поколение», поколение «родительского невнимания», «отвергнутое поколение», предпочитающее мгновенные удовольствия – «покажите-мне-это-прямо-сейчас» – продолжению рода... Поколение рэпа, рока, депрессии. Это также поколение дедушек-бабушек наших сегодняшних детей и одновременно поколение их мам и пап.

И предпоследнее – «поколение Миллениума» (1982–2001 гг.), тесно соприкасаемое с поколением «9/11» (2002–2024 гг.) (адаптирующиеся) – дети сегодняшнего дня, поколение «Y», поколение так называемых детей-индиго с зашкаливающим коэффициентом интеллекта и мудростью не по годам. Во всяком

случае, так выглядят они сейчас по описанию всех тех, кто поднял настоящий бум вокруг таких детей.

И хотя условные названия поколений родителей и детей в Америке вряд ли можно сопоставить с поколением людей в бывшем Советском Союзе, а потом в России (от доперестроечных до поколения перестройки), о детях-индиго заговорили буквально все. И этот индиго-бум будоражит умы родителей будущих детей, еще даже не ставших ими.

Конечно же, безусловно, он удобен. Как раз именно то, что надо для оправдания своих несостоявшихся родительских амбиций. Ведь в сущности, следуя данным о детях-индиго, Ваш ребенок проблемный лишь только из-за своей нестандартности. Причем под этой нестандартностью подразумеваются его неординарные способности. А есть ли они на самом деле, это еще очень большой вопрос. Ведь то, что потрясло первых исследователей этих детей, начиная с их мудрых высказываний, лишний раз лишь только подтверждает, что первооткрыватели детей-индиго не слишком много общались ранее вообще с детьми, довольно туманно представляя возрастные возможности ребенка и особенности его нервно-психического развития.

Но тем не менее каждый из нас – частица какого-то поколения, и именно принадлежность к своему поколению необходима для самоидентификации человека.

В своей книге «Поколения» авторы Страус и Хоу попытались дать наиболее современную классификацию поколений, взяв за основу гипотезу о «циклической повторяемости определенных черт усредненного психологического портрета» людей, считая, что подобное можно видеть через каждые четыре поколения, составляющих один цикл.

Согласно классификации авторов этой книги, анализирующих данные начиная с XV века до наших дней,

каждое из четырех поколений, входящих в цикл, подразделяется на: пророческое поколение, поколение кочевников, героическое и артистическое поколение.

Поколение пророческое, или идеалистическое (Idealist), по мнению Страуса и Хоу, – это революционное поколение, создающее свои ценности жизни и пытающееся эти ценности отстоять.

Поколение кочевников, или реакционеров (Reactive), – это поколение разочарованных людей в революционных преобразованиях своих предшественников, отвергающее многие моральные ценности идеалистического поколения.

Героическое поколение, или гражданское (Civis), – это поколение людей, которые пытаются отстоять уже существующие ценности жизни.

Артистическое, или адаптивное, поколение (Adaptive) – поколение неуверенных, одиноких людей, добивающихся совершенства в какой-нибудь одной области.

Исходя из этой классификации, поколение «Беби-Бумеров» относится к пророческому поколению, а поколение «X» – к кочевникам, поколение «Y» – к героическому, а «Новое молчаливое поколение», тесно связанное с «поколением Миллениума», – к артистическому, или адаптивному, поколению.

К поколению «Беби-Бумеров» относится Билл Гейтс, а Леонардо ди Каприо – типичный представитель поколения «X». Анна Курникова – уже из поколения «Y», а у представителей последнего артистического поколения еще имеется достаточно времени, чтобы в чем-то себя проявить.

А пока это юное поколение, как и все остальные, в отведенное им эпохами время своей неповторимостью постоянно шокирует своих родителей, не всегда понимающих своих детей, потому что они забывают про собственный «праздник непослушания» в их душе.

* * *

Но этот «праздник непослушания» через несколько десятилетий уже будет напоминать о себе старшим поколениям бабушек-дедушек, мам и пап, когда наконец завершат создание компьютера, способного запечатлеть «каждую секунду человеческой жизни».

По мнению президента Британского компьютерного общества профессора Найджела Шэдболта, «через двадцать лет можно будет сделать высококачественную цифровую видеозапись всех событий жизни человека. Это не вопрос того, может ли это произойти, это уже происходит».

И конечно же, посмотрев на себя со стороны в возрасте своего непокорного и проблемного вечно ребенка, многим станет понятно, что это только лишь вариации нормы, которая раньше была также свойственна им. И есть ли конфликт поколений – вопрос. Скорее всего, он – у нас в голове.

* * *

«Эта молодежь растлена до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Никогда они не будут походить на молодежь былых времен. Молодое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру».

*(Надпись на глиняном сосуде. XXX век до нашей эры.
Древняя Вавилония)*

Ультрасовременный ребенок, или МЫ и ОНИ

Даже мой мобильный телефон вибрировал в руках от дрожащего, как при землетрясении, ее взволнованного голоса, умоляющего зайти к ним хотя бы на минутку, потому что... потому что... у моей полужнакомой или же полуприятельной, повидавшей на своем веку все, что угодно, вдруг такое впечатление, что с ней что-то неладное, что она столкнулась с тем, что и уму непостижимо. Ее внуки, самые любимые на свете, к ней приехавшие на каникулы вместе с друзьями, учащиеся сегодня за границей, превратились за короткий срок в совершенно непонятных ей детей. Нет, нет, нет, не просто в странных детей из известной многим повести «Гадкие лебеди» братьев Стругацких, а вообще в нечто невообразимое... У нее такое впечатление, что их занес сюда внезапно НЛО после пребывания в гостях на незнакомой ей планете, где они успели перенять неизвестные Земле манеры и традиции...

Ну конечно же воочию увидеть вдруг детей похлеще странных детей в повести Стругацких для меня было большим соблазном, и, забыв про все свои дела, я мгновенно согласилась прийти в гости.

* * *

Кроме меня и хозяйки в комнате оказались еще два мальчика лет двенадцати — четырнадцати и две

девочки приблизительно такого же возраста, не считая самого младшего внука моей полуприятельницы – ярко-рыжеволосого восьмилетнего мальчишки, с таинственным взглядом рассматривающего всех остальных.

Дети вежливо, но машинально поздоровались со мной, продолжая по инерции свой разговор на каком-то странном симбиозе языков. Нет, нет, нет, это не была известная всем нам еще с грибоедовских времен смесь «французского с нижегородским», это был совершенно неведомый мне ранее язык, напоминающий собою нечто пестрого попугая, расцвеченного всеми мыслимыми и немислимыми красками и оттенками перьев-слов из одновременно нескольких самых популярных на сегодня языков... Нет, это не была разновидность современного молодежного сленга... Скорее всего, таким был когда-то новорожденный вавилонско-столпотворенческий язык, еще окончательно не отдифференцированный от довавилонского, общечеловеческого.

Во всяком случае, все дети, без конца повторяя «о'кей» и «мерси», временами заглядывали в свои электронные переводчики, переводя друг другу более пространные тирады, сказанные кем-то из них. Но это было лишь в исключительно редких случаях, потому что казалось, что каждый из этих «гадких лебедей» владел сразу несколькими языками и препятствий к общению практически не было.

Я действительно в первый раз попала в общество таких странных детей, но это не были своеобразные всадники апокалипсиса братьев Стругацких, своим поведением и разговорами они скорее напоминали мне экспериментальную популяцию людей будущего, сошедших с современного Ноева ковчега.

Я подсела к знакомой мне внучке хозяйки дома, 12-летней Агнессе, учащейся в частной школе в Швейцарии, привезшей к своей бабушке подружку из Великобритании, попросив ее на какое-то время даже

стать моей переводчицей, если что-то я не пойму, так как дети не возражали против моего присутствия при их разговорах, согласившись еще и ответить на некоторые вопросы.

– Не забудьте спросить их, – прошептала на ухо мне потрясенная своими внуками бабушка, преподаватель русской литературы, – что читают они и читают ли что-то вообще, кроме своего Интернета. Ведь Агнесса, Агнесса, – женщина будто бы поперхнулась словами, – уже даже забыла о Пушкине, Тургеневе, Гоголе... А мой внук Алексей уже просто считает: о каком Пушкине или Гоголе вообще может идти сейчас речь, когда век Кастанед и Сорокиных... И зачем читать им всем бумажные книги, когда время аудиокниг.

Да, действительно, в глазах этой воспитанной на старых интеллигентских традициях преподавательницы литературы такие дети казались если и не всадниками апокалипсиса, то по крайней мере персонажами постапокалипсиса – одного из жанров научной фантастики, описывающего жизнь в мире после какой-то глобальной катастрофы.

А глобальной катастрофой, скорее всего, для нее оказалась неординарность мышления ее собственных внуков, потому что она сравнивала их мышление со своим, зачатым уже более чем в полувековой давности, что по меркам летящего времени было, видимо, «до нашей эры». И даже с высоты своего интеллекта, а он был у нее, безусловно, если даже и не на пике Эвереста, то и не на холме, она не могла понять их «нескончаемый бред», к которому невольно прислушивалась, пригласив теперь также себе в компаньоны меня.

И конечно же я с любопытством, не скрывая желания познать что-то новое, стала тут же «прислушиваться», как и она.

Это были не просто современные дети. Это были дети нового века, и этим все сказано, для которых

Париж, Вена, Лондон, Женева, Рим, Афины, Нью-Йорк, Монреаль... уже были не символами, грезами и мечтой, а обычной реальностью, где они побывали.

Это были, скорее всего, дети мира, потому что, как я потом позже узнала, у них не было национальности... В каждом из них смешались различные крови, по три или четыре одновременно, и они этим только гордились, тем не менее чтя свои корни, создавая гибрид из них для себя, скрещивая в себе почти несовместимое, как когда-то Мичурин создал «симбиоз» из японской черемухи с вишней. И при этом считали себя все же русскими или же англичанами... хотя не понимали вообще – для чего это все-таки нужно, когда у нас планета – одна, ставшая местом встречи для всех современников.

Слушая этих «странных» детей, я внезапно прозрела: что для нас было в возрасте их лишь фантазией, для них стало рутинностью жизни. И культурные ценности Лувра и Уффици, Эрмитажа, Сикстинской капеллы занимали их ум меньше, чем технологии современных новинок прогресса этих стран, приютивших шедевры. И шедевры им были знакомы, не как нам только по репродукциям или копиям – в оригиналах.

Если нас в их еще юном возрасте беспокоили судьбы Базаровых и Рахметовых нашего времени, а самые злободневные темы разговоров вертелись, как юла, вокруг да около покорения космических высот и внедрения в нашу жизнь компьютеров, то этих детей волновало уже совершенно другое, потому что им было просто невозможно представить себе, что человечество не всегда путешествовало за облака и вообще могла быть раньше эра бескомпьютерной жизни людей.

Собравшись в своеобразный кружок, мои юные знакомые, прикрывая глаза, наслаждались каким-то звучанием, исходившим из странных разноцветных пластмассовых коробочек, которые я видела первый раз в жизни.

– Это так называемая «Машина Будды», – с трудом пыталась мне пояснить Агнесса, еле ворочая языком, находящаяся буквально в своеобразном трансе от мелодий, льющихся из этих игрушек, моделирующих буддийские молитвы.

Наконец-то я воочию увидела этот альтернативный плеер сегодняшнего дня, ажиотаж вокруг которого поднялся выше самой Поднебесной, где идея его пришла в голову дуэту музыкантов Кристиану Виранту и Чжану Цзяну, способных, как считают поклонники их, Вас заставить прислушаться даже к абсолютнейшей тишине. Ну а созданная ими эта «Машина...» успокоит любого, превращая порывистый ветер в слабый бриз.

Но, даже слушая все девять закольцованных треков этой новинки, мои новые знакомые тут же принялись рассуждать о детях Китая, которые с подобным медитирующим устройством встречаются уже с раннего возраста.

Речь пошла о новом китайском луноходе и об их ровесниках, мечтающих через 20 лет поселиться на Луне, ведь об этом уже во всеуслышание заявило китайское правительство, обязав преподавать астрологию и проводить специальные тренажерные тренировки с детьми даже в школах.

Постепенно с рассуждений о жизни на Луне дети перешли на новую игрушку, помогающую вырастить сегодня инопланетянина в пробирке. Оказалось, что это пустяк. Надо только лишь купить «Test Tube Alilns» – небольшой прозрачный цилиндр высотой приблизительно 15 см, в котором есть кокон и белое яйцо. Как только цилиндр наполнится водой, жидкость начнет пузыриться и из растаявшего кокона вылупится тот неведомый Вам пришелец, из-за которого Вы и затеяли всю эту процедуру. О наличии в нем «жизни» будет сигнализировать специальный светодиод. Вымыв цилиндр, Вы можете даже покормить Вашего пришельца «слу-

гом» – специальным порошком, находящимся в комплекте с игрушкой.

Все это с упоением рассказывал мне мальчишка из Канады по имени Алекс, удивляясь, что я об этом еще ничего не знаю. Другие дети тоже с удивлением смотрели на меня, как будто бы я только что сама вылупилась, как инопланетянин, из кокона в пробирке.

Меня заинтересовало также то, что жизнь этого пришельца и продолжительность ее зависят лишь от степени вашей заботы о нем. Причем доволен он этой заботой или нет, сигнализирует Ваш «инопланетянин» сам.

Красный цвет, на всех языках пытались объяснить мне хором дети, по мере возможности указывая на этот цвет на своей одежде, означает, что все о'кей, зато оранжевый – что он голодный. Чтобы пришелец не утонул, его надо спасать, как только загорится зеленый цвет. Но и это еще не все. «Инопланетянин» должен жить в режиме дня и ночи. И если более 12 часов в сутки он окажется в темноте, у него может «остановиться сердце», а если больше 12 часов будет свет, то «частота пульса» его настолько ускорится, что он просто не выдержит ее.

– Кто не выдержит? – почти начала понимать уже я причину панического состояния хозяйки квартиры после трехдневного общения со своими зарубежными внуками и их друзьями.

– Как кто? Этот пришелец. – Агнесса смотрела на меня в полном недоумении. – И вообще, – добавила моя 12-летняя современница, – если Вам не понятны даже такие простые вещи, как же мне объяснить, что о Вашей заботе об этом пришельце знает все Интернет?

– Интернет у вас тоже пришелец, – не скрывала иронии я, неожиданно тут же поняв, что ирония здесь неуместна.

– На сайте производителя этой игрушки, – попыталась все-таки втолковать мне моя малолетняя себе-

седница, – все известно, как Вы обращаетесь с ней. Он специально так сделан. И вообще, – девочка многозначительно посмотрела на меня, – еще надо Вам знать то, что эти пришельцы ничего не прощают, как люди.

Кажется, я уже начала понимать, на что мне намекала Агнесса.

– У пришельцев в инструкции даже написано: «Ваш инопланетянин ничего не забудет», – наконец перестала меня образовывать Агнесса.

Но я была уже настолько шокирована ее рассказом, что не рискнула ей больше задавать еще какие-то уточняющие вопросы, боясь, что на мне загорится тот самый зеленый цвет, оповещающий, что я в этих вопросах «тону».

– Но если Вы будете хорошо ухаживать за своим «инопланетянином», – почему-то решила сжалиться надо мной девочка, – он уже через две недели может вырасти в длину и в ширину в восемь раз.

– В восемь раз? Да, но если я действительно слишком хорошо буду заботиться о нем и он будет жить да жить, что тогда: мне придется уступить ему свою квартиру? – Нет, нет, не иронизировала я, а уже почти так начинала думать, погружаясь в новую реальность, мне навязанную девочкой, которая давно уже в ней проживала.

– Но в инструкции об этом не написано, – холодно ответила Агнесса, с недоумением пожимая плечами, продолжая, наверное, удивляться не только моей неосведомленности, но и странности логики.

– Лорд, Лорд, – неожиданно донеслось до меня, и я услышала лай щенка. Самый младший представитель этой своеобразной диаспоры современных детей, восьмилетний Стасик, с восторгом давал команды собаке... собаке, которой в комнате не было, во всяком случае, я не видела ее здесь, обводя взглядом всех и каждого, в то же время по новым «приказам» маль-

чика понимая, что Лорд, как он называл кого-то, выполнял все команды его просто с блеском.

Уже больше не сомневаясь, что дети таким образом лишь разыгрывают меня, устав от моих назойливых дилетантских вопросов, я решила найти любой повод, чтобы, пусть даже и несолоно хлебавши, уйти от них, хотя мне и безумно хотелось остаться... Но и стать лишь посмешищем в глазах моих маленьких, но удаленных современников не казалось мне также столь уж прекрасной перспективой.

– Лорд проснулся? – деловито спросила Агнесса у младшего брата.

– Ты же слышишь, что да. Сейчас брошу ему летающую тарелку...

Понимая, что больше терпеть нельзя и что шоу достигло расцвета, я решительно встала со стула и уже было начала прощаться с детьми... Но в этот момент мой взгляд невольно упал на брата Агнессы, потому что все это суперсовременное детское общество смотрело тоже только в его сторону, давая ему какие-то «собачьи» советы.

Ну надо же, как разыгрывают меня...

Но... на экране компьютера, находящегося в руках ребенка, действительно резвился какой-то веселый щенок. Или мне уже начало просто казаться. Побывав в таком обществе, это возможно. Но моя голова вдруг сама по себе повернулась в сторону веселящегося на экране щенка.

Щенок был... был... живой! И мне это совсем не мерещилось... Это был в самом деле живой щенок, живущий в компьютере, что-то вроде продолжения саги об инопланетянах, про которых только что прожужжала мне все уши Агнесса.

Мне казалось, что эти невинные шалуны, обладая навыками гипноза, просто гипнотизировали меня, переместив в иллюзорный мир. Теперь я понимала

все те эмоции, которые бурлили в бабушке этих детей при встрече с любимыми внуками, ведь она уже общается с ними несколько дней. А вот я не смогла выдерживать и часа.

Но, опять чувствуя, что пора уходить, я вновь это не осуществила на деле, потому что... потому что... этот странный нереально-реальный щенок неожиданно перевернулся... на спинку... и подставил животик свой для поглаживания. А мальчишка прикоснулся к экрану лишь палочкой – стилусом... И мне вдруг показалось, что щенок замирает от нежности!.. Я уже понимала, что Лорд не живой, но глаза, но глаза у него совершенно живые! Очевидное – невероятное! Карнавал в голове! Кто здесь шут и кто шутит? Кто шутит над кем? Зазеркалье Кэрролла – ничто по сравнению со мной увиденным.

Я впервые увидела то, о чем много читала, уже зная, что боты (сокр. от «роботы») способны заменить нам домашних животных, хотя они, увы, виртуальные. Виртуальные, да, но ведут себя с нами... «осмысленно».

Как я позже узнала, Лорд был лишь представителем новой игры, разработанной широко известной компанией Nintendo, и в Японии эти игрушки сейчас популярнее, чем в свое время были тамагочи.

Так что дети сегодня способны любить виртуальных щенков виртуальной любовью. И для них это норма. И буря эмоций, если вдруг их щенок пропадет, им не свойственна. Потеряешь игрушку – тут же купишь другую. И она будет так же общаться с тобой, как и первая... У нее тот же лай, даже те же повадки... Хотя если щенок прожил у тебя не одно лишь мгновение, то уже обучился большему, чем лишь только что купленный. Значит, он в самом деле... живой, нереально живущий где-то там за экраном, в Зазеркалье экрана консоли... А вокруг лишь трехмерная жизнь...

Виртуальная жизнь, которую путаешь ты теперь с настоящей... Виртуальный щенок, виртуальная косточка, виртуальная радость общения с ним. Виртуальное чувство любви и заботы...

Где границы зеркального и зазеркального? Как вообще это все сочетается в жизни наших детей, подвергающихся этому неминуемому в наше время творческому эксперименту прогресса?

– Лорд, поешь. – Стал кормить щенка мальчик, подзывая поближе к себе. – Хочешь пить? – В ответ звонко «гав, гав...».

И, не веря, что слышу реально звонкий лай этой странной собаки, я осматривать принялась вновь комнату, где была, чтобы все же найти в ней живого щенка, настоящего, не виртуального, того самого, кто сейчас лает. Нет, свою психологию я не могла пока как-то еще перестроить.

– Лорд, сидеть, – приказал щенку мальчик. И щенок, не допив еще воду, стал покорно садиться... А я замерла у экрана консоли, смотря на щенка замороженным взглядом. Дети же говорили уже о другом. И совсем не о том, о чем мы говорили в их годы.

Мне казалось – они корабельщики, ведающие царю Салтану про заморские чудеса. И хотя венцом всех чудес раньше была легендарная Царевна-лебедь, для сегодняшних «корабельщиков» и она – это лишь атавизм, лишенный фантазии, несмотря на то что у нее «во лбу звезда горит». И ее чудеса для сегодня – рутинность. Ну подумаешь, белка орешки грызет, пускай и золотые, чтобы вынуть из них изумруд... или... тридцать три богатыря, вышедшие из моря «на берег пустой». Пускай даже «красавцы» они «удалые» и пускай «великаны» они «молодые»... И пускай все равны они «как на подбор»...

На сегодня все это уже несущественно. Современный ребенок воспитан на других чудесах. Современные дети сегодня могут даже увидеть трехмерную живую

клетку со всеми процессами, происходящими в ней. Они могут узнать информацию одновременно о двадцати двух тысячах генов, побродить среди самых гигантских белковых молекул, трогая их руками. Надо только попасть им в особую комнату «Сб», находящуюся в «центре приложений виртуальной реальности» в университете Айовы. Лишь наденешь очки, данные там тебе, и окажешься сразу в «самой реалистичной виртуальной среде на планете»...

А нам хочется, чтобы они прочитали о белках и о богатырях, пускай даже и у гениального Пушкина. Но... им это уже не понять, как и нам виртуальный их мир.

– Слушай, Алекс, ты пробовал хоть раз играть на воздушной гитаре? – услышала я голос Агнессы, отрываясь от дум.

– Да, попробовал. Было прикольно, хотя я инструмента не видел.

– Ну а что ты играл?

– Что взбрело тогда в голову.

– Но ты сам же мне уже не раз говорил, что медведь наступил тебе в детстве на ухо.

– И сейчас говорю. Ну и что здесь такого? И зачем для воздушной гитары вообще нужен слух, когда на ней нельзя сыграть что-то неправильно. Надо только надеть лишь перчатки. А они на экране оранжевее апельсина. Зато, если играешь на ней, чувствуешь себя как рок-звезда...

Мне опять показалось, что дети решили разыграть меня вновь, проверяя так мой интеллект. Как возможно играть на воздушной гитаре, не имея совсем музыкального слуха, надевая при этом зачем-то перчатки, и не простые, под цвет апельсина? Но... вот именно эти перчатки вдруг заставили вспомнить меня о прочитанном в прессе про эту гитару, выдуманную совсем недавно в Финляндии. Но я лишь прочитала о ней. А они ее уже использовали. Мне, читая про это,

было лишь любопытно, нереально и сказочно. Для них это же просто была повседневность, убегающая постоянно вперед, за которой они легко гнались, догоняя, едва она только миновала свою черту старта.

Неужели на свете теперь появились две совсем не похожие, совершенно различные популяции современных людей. МЫ – ОНИ.

МЫ – их бабушки, дедушки, мамы и папы, со своей психологией из вчерашнего дня. А ОНИ – современные дети прогресса, так зашкаливающего от своей высоты. Ну и если у нас высота вызывает лишь «полеты» головокружения, то их чаще всего окрыляет, несмотря на то, что окрыленность – импринтинг их с момента рождения.

* * *

– А мне папа недавно, – стал рассказывать Алекс, – подарил необычную книгу.

– Какую? – оживились все вновь.

– Да «Черную магию».

– Про Гарри Поттера, – разочаровалась мгновенно Агнесса.

– Тебе только лишь Гарри! Сплошные мальчишки у тебя в голове, хотя ты всего-навсего лишь малолетка.

– И ты тоже не старец!

– Но меня пока еще не волнуют девчонки.

– Да, сегодня еще не волнуют, а завтра... – И подруга Агнессы, Николь из Британии, кинула дерзкий взгляд на подростка. И, совсем не смущаясь меня, дети начали вдруг дискуссировать о премудростях... секса, говоря про такое, что мы все узнавали только лишь после свадьбы.

– Нет, а я не хочу быть беременной вовсе, – подвела итог всем разговорам Николь. – Перепробую раньше все вина, шампанское, бренди... а потом, может быть, и задумаюсь о ребенке.

– Но при чем тут вино и шампанское? – переспрашивать стал Алексей.

– Да притом. – И Николь тут же стала рассказывать всем о том, что она испытала, когда вдруг подошла ее очередь в классе взять к себе домой нянчить младенца.

– Какого младенца? – испугалась Агнесса.

– Не совсем настоящего, робота, хотя он совершенно живой...

– Как живой. – Дети вслед за Агнессой затаили дыхание. Не скрываю, я тоже замерла в ожидании чуда ее повествования о каком-то младенце.

– Я ж сказала – он робот, но кричит, как живой, настоящий ребенок. Плачет так, что трясется, и всем недоволен. Надо взять его на руки, чтобы он успокоился.

– Ну а если он робот, его можно же выключить. Зачем надо возиться?

– Не выключишь. Он расскажет про это учителю в классе, что я плохо с ним в доме своем обращалась. И к тому же его очень жаль. Он несчастный. Ему все не так, только лишь из-за того, что в нем много дефектов – у него есть дефекты лица и груди.

– Его в школе у вас уронили?

– Нет, он просто «родился» таким.

– Почему? – Да, Агнессу и вправду все так волновало, будто бы этот робот родился живым.

– Его мама была наркоманкой и пила алкоголь, и поэтому он стал таким. А была бы нормальной, он бы так не страдал...

Мне опять захотелось пощупать свой лоб. Как у робота может мама быть наркоманкой? Кто здесь сходит с ума – они или же я? «Он бы так не страдал», – почему-то вертелось в моей голове.

– Да и мама бы тоже. – Я прислушалась снова к рассказу Николь. – Ведь младенец кричит по ночам, не давая всем спать. Нет, нет, нет, я вообще не желаю

даже знать про наркотики и алкоголь. Может быть, лишь попробую чуть-чуть вина... и шампанского. Я хочу, чтобы дети мои были здоровыми.

Теперь только лишь я спохватилась, о чем речь, что я знала про этого робота раньше, но считала все это пока только вымыслом. Оказалось, не вымысел – правда. Значит, в Англии и в самом деле уже стали решать часть проблем, возникавших у трудных подростков с наркоманией, алкоголизмом... таким способом. Здорово! Если это задумано как профилактика таких страшных зависимостей человека.

И опять промелькнуло в моей голове – я лишь только читаю, они это пробуют. Так что трудно понять, кто сегодня из нас (МЫ – ОНИ) живет все-таки виртуально и кто реально?

А потом Алексей всем нам начал рассказывать, как решил искупаться, когда был в гостях у приятеля в Штатах, под струйками модного там электронного душа, который светился, меняя цвета. Но он выбрал конечно же свой любимый – зеленый. Вообще, в доме приятеля все фантастично. Ну хотя б странный стол в кабинете отца. Вся поверхность его из стекла молочного цвета, и зовут его «Голубой глаз». А ведь стол тот действительно «видит». В этом он убедился и сам, постоянно играя с ним. Он то клал на него свой мобильник, то плеер... или что подвернется под руку... А затем нажимал лишь на кнопку и... изображения всех этих предметов моментально оказывались на столе, будто образы были реальными. И он к ним прикасался руками, делая что хотел: вплоть до трюков, а не только лишь перемещая, до сих пор не поняв, где была все же грань между этим реальным предметом и полученным образом изображения.

– Ты до этого что, не встречался с системами «расширенной реальности»? – не смог скрыть удивления Алекс.

– Вот об этом-то я не подумал. Зато, знаешь, у нас... – И опять мне казалось, что это мерещится, ведь они говорили такое... никак не похожее на знакомое с детства «А у нас в квартире газ...». Да, действительно, Мы и Они.

Даже младший братишка Агнессы говорил с ними о нанотехнике, чипах, роботах и о... клонировании и не верил, что раньше не знали люди о виртуальной реальности. Восемилетний мальчишка мечтал, что займется биоинженерией. Ну а мы в этом возрасте вряд ли могли себе даже представить, что такое вообще может быть не в фантастике.

Стас просил, чтоб Агнесса ему привезла из Швейцарии летом уже динозавра, автономного робота, совсем живого, и не просто живого, а с эмоциями. И Агнесса нам всем рассказала, что такой динозавр действительно создан и является первой «спроектированной формой жизни». Ему только неделя от роду, хотя он «рожден» в юрском периоде, и зовут его Плео. Правда, кто его создал, не помнит.

Алекс тут же достал из кармана компьютер и вошел в Интернет.

– Его создала фирма UGOBF, – уточнил он буквально мгновенно. А потом прочитал расшифровку. По-английски название это звучит приблизительно так: «You! Go and be!», а по-русски: «Эй, ты! Вперед и с песней!» Дети начали тут же смеяться и смеялись так точно, как мы.

– Ты всегда с собой носишь компьютер? – уточнила у Алекса я.

– Ну а как же теперь без него? Я общаюсь так с учителями, сдаю с ним все зачеты, экзамены... Могу даже не быть на занятиях, но все знаю, что было на них.

Я представила, как он общается с педагогами через компьютер, как сдает, сидя дома, экзамен. О таком не мечтал и Жюль Верн!

– Ну подумаешь, он общается так с педагогами. А я с мамой в любой момент, как захочу, могу выпить чай или какао, когда мама находится дома, а я в школе, – вмешалась Николь.

– У Вас «чашки влюбленных»? – уточнила Агнесса.

– Да, конечно, как ты догадалась?

– Потому что сама пользуюсь уже ими, когда очень скучаю по лучшей подруге.

– Натали, что ли?

– Да, Натали.

Я узнала, что «чашки влюбленных» (Lovers Caps) светятся, когда их обладатели делают вдруг синхронно глоток, находясь на большом расстоянии. Причем вход в Интернет их беспроводный, а при синхронном глотке их свечение как поцелуй.

Никогда еще я не казалась себе столь наивной в познаниях, необразованной, как в мгновения, когда была здесь с детьми, рассуждающими совершенно реально о совсем нереальном еще для меня.

– А во что Вы любили играть в нашем возрасте? – обратилась ко мне почему-то Агнесса.

– В шашки, шахматы... – стала перечислять я какие-то игры, чтоб она поняла то, что и у меня интеллект все же есть, пускай даже в зачатке. – А моей дочери нравился кубик Рубика...

– Кубик Рубика, – тут же оживилась Николь и достала светящийся кубик, что-то начавший ей говорить.

– Он действительно что-то сказал или мне показалось? – Я смотрела на девочку, видимо, так, что она, словно маленькой, мне разъяснила, о чем кубик сейчас говорил. Оказалось, что этот ее кубик Рубика набит весь микрочипами и выставляет уже сам очки за скорость сборки себя. Причем в нем сейчас целых шесть игр, а количество уровней не сосчитать...

Я решила, что надо прощаться, еще только лишь пара рассказов детей, и я просто уже начну чувствовать, как ползет моя самооценка с чердака в самый низкий подвал.

* * *

– Так какую же книгу тебе подарил, Алекс, папа? – спохватилась внезапно Агнесса. – Что за «Черная магия»?

– Ты о ней должна знать, это книга о «Кубке Америки», выпущенная в Новой Зеландии, потому что команда этой страны в год Миллениума смогла завоевать этот кубок на паруснике Black Magic и удерживать эту победу три года.

– К сожалению, пока не знала. Ну а что в этой книге магического?

– Как посмотришь ты через дисплей на страницы, а дисплей что-то вроде бинокля, из страниц выплывает модель парусника с виртуальными парусами, а с других страниц модель всей этой регаты. Ты читаешь реальную книгу, ощущая ее виртуально...

* * *

– Ну, и как их беседа? – Хозяйка квартиры, не скрывая волнения, ожидала ответ. – Я забыла Вас предупредить, чтобы Вы подсказали, что, если не хочется им сегодня читать Пушкина или Гоголя, пусть читают хотя бы «Алые паруса» – для их возраста Грин может быть интересен.

– Алые паруса для них слишком реальны, ведь они из реальной материи... А их больше волнуют сегодня, как я поняла, виртуальные, а не реальные... паруса, выплывающие к ним прямо из книги.

– Как из книги вообще могут выплыть паруса, что-то я не пойму? – В глазах женщины застыл испуг. – Они

Вас заразили своими идеями, я же Вам говорила, что жизнь их в бреде. Что случилось с моими любимыми внуками? Я всегда была против всех заграниц.

– Заграницы-то здесь ни при чем. Просто наши феерии для них рутинны. Их волнуют теперь паруса, мчащиеся не к берегу, а к горизонту, ну а если вернее, за горизонт нашего понимания жизни.

Мы создали их, но ОНИ – это не МЫ, хотя созданы были по образу нашему и подобию, точно так же как люди по образу и подобию Бога. Но люди оказались бесцветной копией с джентльменским набором изъянов. А ОНИ превзошли даже оригинал. И теперь невозможно понять, что первично здесь и что вторично.

И хотя ОНИ еще стоят в настоящем, интеллект их уже давно в будущем. Но МЫ... Мы... продолжаем оценивать его еще с позиции нашего времени, несмотря на то что это все «статистически недостоверно».

И пусть даже сегодня не все современные дети могут жить как Николи, Алексы и Агнессы, завтра быстро сотрутся различия, чтоб настало потом послезавтра.

А пока... английские нейрофизиологи разработали технологию чтения мыслей, помогающую узнать планы человека на будущее. И возможно, что эти планы на будущее современных детей и будут способствовать нашему взаимопониманию с ними благодаря основным классическим человеческим качествам, приправленным эмоциями и чувствами, наиболее современно описанными еще в Библии и в эпоху Античности за множество лет до нашей эры, не претерпевших существенных изменений за века, несмотря на самые глобальные катаклизмы. И вряд ли даже в самых сказочно-виртуальных условиях прогресса переведутся Каины и Авели, Лоты и Нои, Нарциссы и нимфы Эхо, Дедалы и Икары, а главное – постоянно страдающие за свое желание помочь людям Прометеи.

Но даже жертвенные Прометеи сегодня способны быть геймерами или гаджетоманами, «болеть» телеманией или же плеерозависимостью и начинать свой жизненный путь «из пробирки»...

Среди них возможно встретить сластен и мистеров Бинов... Они могут быть леворукими, обидчивыми или демонстративными...

Все это лишь только бросающаяся нам прежде всего в глаза блестящая сторона их медалей, но есть ведь еще и обратная, которая более матова и часто бывает существеннее, чем все то, что очень блестит, притягивая мишурой своего блеска наше внимание.

И видимо, все Прометеи оттуда.

Дети многозадачности

Современные дети – это, прежде всего, дети многозадачности, потому что сегодня даже хай-тек-игрушка для маленьких, не говоря уже о всевозможных гаджетах для больших, многофункциональна, и этими функциями можно пользоваться одновременно. Когда-то нам рассказывали легенды о Юлии Цезаре, который мог делать несколько дел одновременно. А вот нам, мол, простым смертным, это недоступно.

Однако куда сегодня Юлию Цезарю до современного ребенка, в сравнении с которым его несколько дел одновременно нам кажутся просто детским лепетом.

Журнал «Time» даже назвал современных детей поколением «М», где «М» – всего лишь навсего многозадачность.

Современный ребенок, слушая музыку, переходит дорогу и пишет при этом SMS-сообщения, разъясняя прохожим, как добраться до нужного места.

Ученые описали даже феномен «подростковой многозадачности», подразумевая под этим способность одновременно делать несколько дел сразу. Например, слушать радио, смотреть телевизор и при этом сидеть за компьютером, где загружен давно уже чат, да еще успевая выполнять кое-как массу всех домашних заданий или же говорить по мобильному телефону.

Мы привыкли уже, что ребенок в одно ухо вставляет наушник от плеера, чтобы слушать другим, что творится вокруг, и участвовать с нами в дискуссиях.

Мы привыкли уже, что мы с ним разговариваем, а он пишет SMS-сообщения и при этом еще обижается, если мы делаем замечания, потому что ему очень трудно понять, почему все нас так раздражает, ведь для многих детей это норма.

Современный ритм жизни требует этого. Времени – дефицит. Как объять необъятное в постоянном цейтноте? Ну конечно же делая множество дел в одно время и сразу – чем плохой выход.

Может быть, неплохой, если бы человек в самом деле бы был приспособлен для подобных задач, ведь ему очень трудно разрываться все время между множеством их.

Если он разрывается – это стресс, рубящий, как под корень, одним махом дерева, его трудоспособность и даже иногда интеллект.

Человеку сегодня подвластна пока не любая многозадачность, и особенно связанная с ментальной активностью, переключать которую с решения одной задачи на другую в одно и то же время для мозга пока просто невозможно.

Ребенок, делая «сто дел» одновременно, не концентрирует как следует внимание, необходимое для плодотворной деятельности. Поэтому вряд ли он сможет тщательно и верно выполнить необходимое задание. Скорее всего, будет множество ошибок, особенно когда готовится к урокам дома.

Эту небрежность в любой деятельности из-за феномена многозадачности возможно объяснить тем, что внимание ребенка отключено на многие помехи. Хотя помехи – это то, что делает ребенок.

Когда он сразу делает три дела – решает математику, шлет SMS-послания и слушает, что говорите Вы,

помехами для математики являетесь Вы и послания, для Вас – послания и математика, а для посланий – математика и Вы. Поэтому, скорее всего, Ваш ребенок неправильно решит задачу, или отправит не по адресу послание, или прослушает Ваш разговор. Во всяком случае, во всем о'кей навряд ли будет.

Когда почти сто лет назад на свете появился телеграф, ученые заметили, что если Вы во время набора текста что-то решите сообщить телеграфистке, то она может ошибиться, делая работу, так как ее внимание должно было переключаться между разными каналами.

Так «родилась» даже особая наука, изучающая влияние помех на деятельность человека. И сегодня, когда речь заходит о многозадачности, необходимой, например, при работе с компьютером, то можно услышать о «помехозависимости» стиля работы.

Безусловно, любому подростку этот стиль придает особое чувство своей значимости и даже в какой-то степени способен повышать его самооценку.

Но, по мнению ряда зарубежных психологов, подростковая многозадачность скорее напоминает собой иллюзию, чем истинную многозадачность. Да, действительно, дети с присущей им импульсивностью, не раздумывая, хватаются сразу за несколько дел, забывая о качестве выполнения их. И количество чаще всего в этих случаях не переходит в качество.

Изучая проблему многозадачности при помощи магнитно-резонансного сканирования мозга, ученые пришли к выводу, что особенности переключения внимания тесно связаны с так называемой десятой областью Бродманна, расположенной в передней части префронтального кортекса. К сожалению, префронтальный кортекс относится к тем участкам мозга, которые формируются позже других и перестают функционировать, разрушаясь, раньше других в процессе старения человека. Поэтому неудивительно, что

дошкольники, так же как старые люди, не справляются с многозадачностью.

Зато школьники, и особенно старшекласники, считают ее своим достоинством, демонстрируя по поводу и без повода, чтобы пустить Вам пыль в глаза.

Подросток, одним ухом слушающий плеер, а другим – разговор по мобильному телефону, не отводящий взгляда от экрана монитора, может стать символом ребенка современности, как когда-то знаменитая скульптура Веры Мухиной «Рабочий и колхозница», получившая Гран-при на Всемирной выставке в Париже в 1937 году, стала символом эпохи социализма того времени.

Иногда, пытаясь как-то достучаться до души таких подростков, кажется, что все эти хай-тековские их аксессуары лишь замена рыцарских доспехов.

В то же время дети, для которых современная многозадачность выполнима, популярнее других в кругу ровесников.

Кроме этого, к тому же оказалось, что их мозг в связи с тем, что сегодня видео и фотографии все больше вытесняет текст, может с блеском обработать эту информацию. И вообще, сегодняшние дети ее с блеском могут и найти, и не только эту, а любую, лишь бы только указать им тему.

Оказалось, что благодаря области Бродманна планируются долговременные цели и запоминаются незаконченные по каким-то причинам задания, которые после устранения помех можно довести до конца. К тому же эта область мозга помогает нам разделять задания на мелкие части, расширяя путь к многозадачности. Ведь с фрагментом справиться гораздо проще, чем сразу с большим целым. А так фрагмент, еще фрагмент, еще – и вот уже мозаика готова.

Вообще о влиянии многозадачности на современного человека самые актуальные исследования были

проведены среди работников офисов, пользующихся персональными компьютерами, возможности которых стали настолько безграничными, что им подвластны уже сотни задач.

По данным калифорнийского профессора Глории Марк, работник в офисе в среднем концентрирует свое внимание на выполнении какой-то одной задачи лишь только 11 минут, которые тоже делятся на фрагменты – от чтения веб-страниц до правки электронных писем. Не успев кончить одно задание, ему приходится отвлекаться на другое. Чтобы возвратиться к недоконченному заданию, в среднем требуется 25 минут. А потом вновь отвлекающие факторы – и так целый рабочий день, переполненный стрессогенными факторами многозадачной работы.

Переключение внимания между задачами поглощает огромное количество времени, которое эффективно можно было бы использовать при решении какой-то одной важной задачи. Так что многозадачность – это только иллюзия экономии времени. Это не экономия, а потеря его.

Однако попробуйте объяснить это своим детям, контроль над которыми Вы практически утратили. Контроль – это нечто реальное. Да, ребенок реален, находясь с Вами рядом. Он-то рядом, но мысли его в виртуальном пространстве. Разве можно узнать, с кем общается он? Те ли люди, за которых они сами себя выдают? Сколько взрослых себя выставляют детьми... Сколько Ваших детей флиртует, как взрослые.

Мне похвасталась как-то одна третьеклассница, но уже ас во множестве функций компьютера, что она завела переписку с мужчиной, ищущим молодую невесту, выдавая себя за семнадцатилетнюю, хотя ей только десять.

– Это здорово, это прикольно, – говорила мне юная леди. – Он считает меня совсем взрослой. Объясняется

уже в любви. Я назначила ему свидание возле театра. Мы рядом живем. И сумела его рассмотреть. Ничего, только взрослый совсем. Он стоял целый час перед входом. Я ходила туда и сюда. Но он ждал не меня, а другую. Как все здорово было, – радовалась она совершенно по-детски, соответственно возрасту.

– А что мама сказала?

– Да мама не знает. Только Вы не рассказывайте это ей. Она думает, что когда я сижу за компьютером, то готовлюсь к занятиям. Так зачем же ей про это знать?

Но, утрачивая контроль над мыслями и увлечениями ребенка, чтобы не отрывать его от множества дел, Вы «утрачиваете» и привязанность Ваших детей к Вам, хотя этот «контроль» должен быть не в прямом смысле этого слова контролем, а именно особой привязанностью между Вами и Вашим ребенком.

Современные родители все чаще и чаще стали жаловаться на холодность и отчужденность ребенка. Он не ждет их прихода с работы, а если и ждет, то только лишь для того, чтобы удовлетворить свои скрытые потребности, зависящие от мамы или папы, призывая их к выполнению обещаний.

Современный ребенок не бежит к Вам навстречу, слыша, что Вы уже вошли в дом. Ему некогда, он, как всегда, очень занят. И чем старше ребенок, тем это заметнее.

Современный ребенок не будет докучать Вам вопросами о самочувствии, если Вы заболели. Его вряд ли волнуют Ваши успехи и вообще Ваша жизнь в той сфере, где обходитесь Вы без него. Ему трудно на это отвлечься от своих бесконечных занятий.

К сожалению, хай-тек-устройства прогресса охладили семейный очаг, превратив нашу жизнь в бесконечный цейтнот, ведь живем мы сегодня все с Вами в режиме нарастающей многозадачности. Наши дети берут с нас пример. Ну хотя б наблюдая за мамами, для которых подобный режим стал давно уже нормой.

По данным исследований британской корпорации Intel, современный ритм жизни нам буквально диктует сегодня эту многозадачность. Дефицит времени порождает ее. Королевы сегодняшней многозадачности – это женщины. Женщины лучше мужчин могут справиться одновременно с решением сразу пары задач. И решают. Материнство, наверное, сделало их более склонными к многозадачности. Во всяком случае, по данным этих исследований, «многозадачному» образу жизни были подвержены 49% обследуемых женщин и только 39% мужчин. В то же время 88% респондентов считали, что постоянно нарастающий дефицит времени «требует» от людей этой многозадачности. Так что современному ребенку без нее просто не обойтись. Но и многозадачность может быть совершенно различной. Да и дефицит времени тоже относителен. Времени для чего? Для потех, развлечений, посещения дискотек или же для серьезных решений?

По данным доклада американского общественного фонда Kaisor Family Foundation «Поколение М: медиа в жизни 8–18-летних», американские школьники ежедневно находятся под влиянием всевозможных медиа-средств около восьми с половиной часов. Это больше, чем продолжительность рабочего дня у многих из их родителей. И главное изменение в воздействии медиа-средств на ребенка в последнее время это то, что он стал подверженным одновременно сразу нескольким медиа и пытается приспособиться жить из-за этого в режиме многозадачности, даже уже в том возрасте, когда просто еще до такого режима полностью не созрел. Эта тема обсуждалась даже в британской палате лордов, куда были приглашены и ведущие английские ученые.

По мнению нейробиолога Сьюзан Гринфилд, из-за «многозадачности» дети начинают утрачивать такую важную способность, как концентрация внимания,

и особенно тогда, когда речь идет об изучении какого-то школьного предмета.

Получается, что, делая больше за меньший промежуток времени, Ваш ребенок, тем не менее, уже не стремится преуспеть в этой важной для его возраста деятельности – учебе. И когда этот феномен налицо, дети хуже излагают свои мысли, постоянно отвлекаются по мелочам и не могут привести логические доводы в свою пользу. И это дети, у которых при всем дефиците времени нет дефицита информации. Но, умея добывать ее, им некогда «добытое» анализировать, потому что надо еще успеть послать одновременно кому-то свое SMS-сообщение и выслушать, что друг им сообщит по сотовому телефону. Причем эта обстановка может быть не только дома, но и в классе, где во время объяснения учителя писать SMS-сообщения или смотреть на монитор карманного компьютера уже стало на сегодня почти нормой, как и дети, разбирающиеся в сложнейших технологиях и в то же время ошибающиеся в решениях элементарнейших задач, страдая от перевозбуждения нервной системы.

По мнению Сьюзан Гринфилд, сегодняшние дети легко и быстро оперируют большим количеством пиктограмм, этими своеобразными «иконками», общаясь друг с другом благодаря современным компьютерам и мобильным телефонам, с одной стороны упрощая, а с другой – усложняя для непосвященных язык современной коммуникации людей. И если непопулярное среди детей нынче чтение позволяло создавать «персонализированную» среду, то вырванные из контекста «картинки» с какими-то умопомрачительными междометиями вообще ничего не создают. Однако в режиме многозадачности внимания у ребенка хватает только на это.

А после того, как уже повзрослеет, чем может потом это все обернуться?

Смотря чем займется в дальнейшем. Ведь если придется ему вновь сидеть почти постоянно весь день за компьютером, работая на пределе, в режиме многозадачности, скорее всего, у него разовьется синдром, выявленный у менеджеров специалистом в этой области, Эдвардом Гэловелом. Синдром этот лишь разновидность синдрома дефицита внимания (СДВ, или ADD по-английски), наблюдаемого в избытке сейчас у детей.

В довлеющей прессингом многозадачности, в условиях постоянного стресса мозг менеджеров, «защищаясь», пытается «имитировать» этот синдром, названный Э. Гэловелом синдромом приобретенного дефицита внимания.

По мнению ученого, «в отличие от настоящего синдрома, основанного на анатомических особенностях, приобретенный ADD объясняется гиперинтенсивным окружением, в котором приходится работать большинству менеджеров. В ситуации, когда мозгу приходится обрабатывать слишком большой объем данных, его способность решать проблемы ухудшается, а количество ошибок стремительно возрастает. В работе анатомически здорового мозга появляются симптомы, характерные для ADD».

Причем, как считает исследователь, всему виной страх человека, препятствующий нормальной работе головного мозга, страх, связанный со слишком большим объемом информации для «оперативной памяти» мозга, глубинные отделы которого воспринимают ситуацию как «ситуацию выживания», посылая передним отделам «сигналы паники и страха». Безусловно, человек в подобной ситуации может вести себя неадекватно и непредсказуемо.

В то же время никакие синдромы «приобретенного дефицита внимания» не в состоянии изменить особенности многозадачности современного материн-

ства, справляющегося с этой супер- и супермногозадачностью виртуознее фокусника.

«Приходится бежать очень быстро, чтобы остаться на месте», – сказал когда-то Льюис Кэрролл.

И наше время нас постоянно заставляет ускорять этот бег, превращаясь в своеобразного Пигмалиона, создающего для себя собственных неподражаемых Галатей.

КАК ЖЕЛАТЕЛЬНО

вести себя родителям с ребенком,
вынужденным жить в режиме многозадачности

- Не перегружать всевозможными просьбами и поручениями, создавая искусственный дефицит времени.
- Учить концентрироваться на выполнении одного задания.
- Объяснять, что благодаря концентрации внимания на каждом из заданий ребенок сможет гораздо быстрее и лучше выполнить все необходимое, делая их по очереди, чем выполняя одновременно.
- Не превращать телевизоры и компьютеры в нянь или в эрзац-пап и мам.
- Проводить как можно больше свободного времени с ребенком.
- Сделать все от Вас зависящее, чтобы не гас для ребенка домашний очаг.
- Учить состраданию и эмпатии.
- Знать все проблемы, волнующие Ваших детей, и помогать искать выходы из них.
- Знакомить своих детей со всевозможными радостями жизни, не связанными с современными новинками прогресса.

- Помнить, что чем меньше ребенок, тем более противопоказана ему многозадачность, которая в основном ему вообще не под силу и может служить источником разочарования в себе.

КАК НЕ ЖЕЛАТЕЛЬНО

вести себя с ребенком,
предпочитающим режим многозадачности

- Ругать и упрекать за холодность и отчужденность, плохую успеваемость.
- Не разрешать работать на компьютере, писать SMS-сообщения, не объясняя почему.
- Хвалиться перед всеми в присутствии ребенка, что даже Юлий Цезарь в сравнении с ним – никто; ему подвластна сотня дел одновременно.
- Создавать искусственный дефицит времени, поощряя многозадачность.

Ситуация для родителей

Мама 12-летнего Коли всегда радуется, когда он одновременно делает несколько дел, считая, что это пригодится ему в будущем. Она покупает сыну самые современные новинки технического прогресса и не скрывает своего восторга, когда мальчик общается с кем-то неведомым в чате, одновременно объясняя кому-то что-то по телефону. Но, имея такого смышленного сына, ей никак не понять, почему в классе Коля не лучший ученик, а посредственный, плохо спит и всегда раздражен, когда кто-то его отвлекает от компьютера или мобильного телефона.

✓ *Как бы Вы вели себя на месте мамы мальчика?*

* * *

«Я хочу создавать чудеса...» – писал Он во введении к своему грандиозно-фундаментальному труду по анатомии, всю жизнь создавая шедевры Чудес.

Уже буквально с рождения Он не мог насытиться красками и нюансами мира, в который пришел, гоняся за всем, что возможно увидеть, узнать, понять суть, перегоняя себя в этой гонке, а также Эпохи, Века...

Его можно по праву назвать гением многодела – современной многозадачности.

Кем был Он – художником или скульптором? Ученым или изобретателем? А может, все-таки архитектором и музыкантом? Нет, инженером и астрономом! Как разбирался Он в математике! Как в оптике! Как в анатомии! А было ль что-то на Белом Свете, в чем Он не разбирался совсем?

Он пять веков тому назад в своих набросках предвидел даже аэроплан с подводной лодкой, придумывая в то же время печатные станки и водяные мельницы, а также часовые механизмы.

Его рисунки трех перспектив зародыша в знаменитой «Анатомии...» сегодня подтверждает современное УЗИ.

А главное... Он создал «Мону Лизу»... Он сотворил шедевр для поклонения Веков... Он сотворил шедевр для преклонения перед талантом, вернее, гениальностью людей... И только бы одна эта картина его поставила в ряды Великих...

Но, как считает автор знаменитой книги «Сто великих людей» Майкл Х. Харт, «самый талантливый человек на Земле, Леонардо не принадлежал к ста самым влиятельным людям».

Не принадлежал потому, что все его озарения и прозрения остались большей частью лишь в незаконченных или же неосуществленных, пусть гениальных,

но только замыслах. Реальными их сделали другие, позже, и то идя своим проторенным путем...

Ему на это все лишь не хватало, пожалуй, самого элементарного, что у других в избытке, – времени. Ведь замыслы Его для своего осуществления потребовали бы ста Его жизней сразу и одновременно.

А если бы он выбрал лишь архитектуру? А если б его увлекала лишь анатомия? А если бы он предпочел всему другому музыку? А если б заболел лишь только скульптурой или живописью?

А если бы вообще не расплылся, не став рабом своей многозадачности, ведь мозг его не мог же превратиться в бездушный кремниевый процессор сегодняшних компьютеров, специально приспособленных для этого.

Тогда б, наверное, Он все же стал бы первейшим из первейших в своей области, возглавив, наконец, шеренгу ста самых Великих...

Но был бы Он тогда ль для нас сегодня тем Леонардо, каким есть, кумиром более пяти Столетий, пытающимся обнять целый мир одновременно, чтоб заглянуть хотя бы в щелку его тайн, не зная, что был сам одной из них...

«Я хочу создавать чудеса...» – мечтал Он, Леонардо да Винчи, всю жизнь, создавая шедевры Чудес! Леонардо да Винчи – гений многозадачности.

*Практическое издание
Серия «Современная психология»*

БАРКАН АЛЛА

УЛЬТРАСОВРЕМЕННЫЙ РЕБЕНОК

Книга издана в авторской редакции

*Дизайн обложки: А. П. Зарубин
Корректоры О. В. Круподер, В. А. Нэй*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.04.2014 г.

Формат 60×90/16. Гарнитура «CharterС».

Печ. л. 51,0. Тираж 1500 экз.

Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»

115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru